

Введенская Мария

ПРЕДЕЛЫ
НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

Если пределы не лежат ни в какой области,
Значит, пределов не существует.

Мария Введенская
Пределы неоднозначности
Серия «Библиотеки Смерти»

*Текст предоставлен издательством
Пределы неоднозначности: Маска; Москва; 2014
ISBN 978-5-9905616-6-3*

Аннотация

Новый роман из цикла «Библиотеки Смерти»!

Всё имеет свои пределы, грани, установленные природой нормы. Зло и Добро – вполне ясные понятия, не терпящие полутонов. Но человек – это лишь набор причин....

Неоднозначность частенько сводит с ума, потому что в нашей реальности нет ничего абсолютного. И как с этим справиться? Как разобраться в этой удрушающей двойственности, не взявшись за нож?

Проклятые тени древности вершат своё правосудие, набрав оловянных солдатиков. Они играют друг против друга, превратив мир в разменную монету. И не дай Бог, если их выбор падет на тебя....

Содержание

Пролог	5
Чарли и чудеса	12
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Мария Введенская

Пределы неоднозначности

© Введенская Мария, 2014

* * *

*Если пределы не лежат ни в какой области,
Значит, пределов не существует.*

(математический закон)

Пролог

Что-то должно произойти.

Что-то уже произошло.

Что-то происходит прямо сейчас. Ты чувствуешь это, знаешь это. Ты боишься признаться себе в этом. Всё не может закончиться чем-то другим, потому что механизмы давно запущены. И это не кино, где твердая уверенная рука какого-нибудь супергероя нажимает на кнопку или поворачивает рубильник, спасая тем самым, как минимум, планету, потому что *этой* рубильник не повернуть. Всё идет туда, куда идет... куда направили те, кто так любит направлять. Те, кто не верят в Высший Суд, а иначе бы не осмелились. Но, кто же тогда совершит чудо? *Чудо*... не фокус, не стечение обстоятельств, не случай – здесь это не прокатит. Нужно именно чудо.

Что же это творится?.. – думала Чарли, таращась в телевизор на кухне. Недели не прошло после того, как один психопат ворвался в дом престарелых, где находилась ее крестная, и застрелил четверых стариков... и вот уже снова подобная история.

Четвертого июля, то есть вчера, в новостях сообщили, что одна женщина держит в заложниках трех девочек в каком-то ужасном доме в глухом лесу. Их имена за последние сутки повторялись так часто, что запомнил бы и больной Альцгей-

мером – Роуз Макдуган, Элизабет Сомерс и Мэри Дэмпси. Девочки были похищены три месяца назад, и по правде сказать, родители уже и не надеялись увидеть их живыми, потому что, если похищенного не находят в первые семьдесят два часа, то можно уже искать лишь тело... такова статистика. В любом случае похитили их в Иллинойсе, а нашли здесь в Мичигане. Кто похититель – неизвестно, только то, что это женщина – во всяком случае, голос, запись которого крутили по всем каналам, явно принадлежал женщине. Она не выдвигала никаких требований, а просто позвонила родителям одной из девочек и назвала место, где держит всех троих.

Полиция терялась в догадках – в чем смысл подобного шага? Они просто окружили дом и смиренно выжидали, потому что безымянная женщина пригрозила перестрелять девочек, если ей хоть на миг почудится, будто кто-то приблизился к ним на метр.

– Вы меня слышали... – шипел уверенный голос со всех телеэкранов страны снова и снова. – Моя рука не дрогнет. Если я увижу хотя бы одного репортера или копа, я пристрелю их. И поверьте, я успею сделать это дважды, пока вы не вломитесь сюда!

Она говорила спокойно, но жестко, и ни у кого не вызвало никаких сомнений, что она сделает то, что обещала. И, разумеется, то, что успеет.... Женщина заявила, что выдвинет свои требования чуть позже, но Чарли, стоящая сейчас в луже ленивого знойного солнца, разлитой в самом центре

кухни, лишь качала головой.

– Что-то должно случиться... – сказала она репортеру на экране. – Вряд ли она отпусти их живыми.

Ну почему... почему за последние годы гибнет так много детей? Ясли, детские сады, школы – это же чуть ли не места № 1 для массовых убийств. К чему всё это ведет?

Специальный выпуск закончился, и Чарли раздраженно выключила телевизор, неуклюже бабахнув пультом о стол. Ее взгляд упал на тарелку, на которой лежала голова форели, из которой она собиралась сварить суп. Если честно она плохо разбиралась в рыбе, как впрочем, и в мясе... Кто знает, в чем еще она плохо разбиралась? В любом случае продавец клятвенно обещал, что это форель.

Странно, но первая ассоциация, которая появилась у Чарли, при взгляде на эту рыбью голову, заготовленную для супа, была связана с Иоанном Крестителем... А она над ней как Саломея. Хм, странно... хотя это было абсолютно в духе Чарли – выявлять какие-то образы из ничего и перерабатывать их в формы, в чудеса. Она считала, что всё происходящее не случайно и имеет значение. Особые случаи сверхъестественного вмешательства Чарли считала чудесами и скапливала, словно сокровища, в листках, в записях, в блокнотах. Так было нужно. Это давало ей уверенность, что она, как и все остальные, представляет собой нечто гораздо большее, нежели кусок мяса.

Глядя сейчас на эту отрезанную голову, она почувствова-

да, что та женщина, вряд ли, отпустит девочек живыми. Такое с ней нередко случалось, ведь все люди обладают в той или иной степени даром предсказывать по таким вот навеянными символам. Голова Иоанна Крестителя – символ предательства. Кого же предали в этой истории?

Но совсем скоро все мысли, связанные так или иначе с психопаткой и ее заложницами, улетучились, переключившись полностью на рыбу. Голова была большая... даже как-то футуристически большая, конусообразная, торчащая словно буй. Стеклообразные глаза, слепо тарасились в никуда, как у мертвеца. Чарли подумала, что ведь и вправду, в глазах мертвого жизни нет. Они пусты, и даже, если обращены в твою сторону, они не смотрят, а просто открыты. Когда как некоторые портреты, наоборот, смотрят на тебя, где б ты не стоял, потому что художники вложили в них свои души. Чарли едва удержалась от соблазна сбежать за своим блокнотом, чтобы записать эту мысль, но удержалась. Рыба была интересней. Особенно ее приоткрытый рот, и виднеющийся толстый желтоватый язык. Господи, Чарли и понятия не имела, что у рыб есть язык! Она очарованно наклонилась, разглядев малюсенькие колышки зубов.

– Надо же! – не выдержала она и поднесла палец к приоткрытому рту рыбины. Прикосновение оказалось холодным и скользким – еще не до конца разморозилась – но в то же время и *очаровывающим*.

Чарли провела пальцем по пластикоподобной прорези, а

потом и по игольчатой линии зубов, получая болезненное удовлетворение.

Подумать только! Она же была жива! – думала она с каким-то нелепым восторгом.

Потом ее пальцы чуть надавили, раздвигая линию рта, и, наконец, коснулись языка. Он был таким реальным! Это очень странно... Какой-то искусственный на ощупь и цвет, словно игрушечный. Чарли отдернула пальцы и отошла на шаг, чтобы посмотреть со стороны. Потом приблизилась снова и дотронулась до языка. Она просто не представляла себе на данный момент, как уйдет в другую комнату, например... потому что оторвать палец от языка отрезанной рыбьей головы оказалось не так-то просто. Ее буквально тянуло. Безумие какое-то.

Она ведь *была* живой – снова и снова появлялась мысль. Плавала себе, пока кто-то не убил ее. Почему-то Чарли чувствовала некоторое умиление к ней, словно к котенку... странную нежность, водя пальцем по прорези рыбьего рта, и уже по-свойски хватая бледный язык.

– Думаешь, это очень гуманно?

Чарли взвизгнула и пулей вылетела из кухни, сбивая всё на своем пути. Так бывает – вроде бы, знаешь место, знаешь каждый предмет, как облупленный, но всё равно врезаешься в них, спотыкаешься о них, потому что просто не можешь иначе... Ориентация потеряна, и тебя слепо несет вперед.

Ворвавшись в свою комнату, Чарли захлопнула дверь и

навалилась на нее всем телом. Сердце бешено стучало, покраснели от напряжения склеры, а зрачки никак не могли найти точку опоры.

Черт!!! Что это было??? Что за голос? Какое еще – «гуманно»?! В доме определенно кто-то находился. Это, наверняка, какой-нибудь спятивший клиент пробрался в ее дом. Или тот – последний, которому она посоветовала расслабиться и всё хорошенько обдумать.... Вот он и расслабился!

С трудом отлепившись от двери, Чарли нырнула стрелой под кровать, и уже через мгновение снова давила спиной на дверь, прижимая к груди отцовскую бейсбольную биту, оставшуюся ей в наследство вместе с этим домом. У него имелась и винтовка, но Чарли давным-давно отгрузила ее на чердак, поскольку совершенно не умела пользоваться, ругая себя за это сейчас. Страх отуплял, но доминирующим чувством всё же оказалась ярость, которая никогда не подводила Чарли, не впутывала ее в неприятности, если, конечно, не была слепой. Пару раз она серьезно срывалась на людей, которых клинически не переваривала, но всегда очень жалела об этом впоследствии.

Протиснувшись тенью в прорезь дверного проема, и мертвой хваткой сжимая биту, она на цыпочках двинулась по направлению к кухне. Дом был небольшим, но уютным, и там имелось достаточно места, где можно спрятаться. Голос был так близко. Чарли могла поклясться, что его владелец стоял прямо за спиной, и не иначе как. Но когда она выбегала, то

никого не увидела. Значит, он подждал ее в столовой.

Она кралась вдоль стены, стараясь сохранять хладнокровие. Хотя какое там! Сердце колотилось, словно заживо погребенное, прокатываясь эхом во всех соседних домах. Раздражающий стук в висках не давал сосредоточиться.

А, может, это телевизор?! – вдруг подумала Чарли с заметным облегчением. Взял, да и включился сам по себе. Такое ведь бывает? У нее даже имелась подобная запись в блокноте.

Но это был не телевизор, потому что Чарли почти приблизилась к кухне, но ничего не услышала. Дыша так, словно пробежала кросс, она вошла внутрь, передвигаясь шажочками-миллиметрами. Дверь в столовую оставалась приоткрытой, но не настолько, чтобы увидеть всё помещение. Ноги тряслись, суставы скрипели, потные ладони с силой обхватили биту, но едва ее удерживали. Вена проступила на лбу от напряжения. И в тот самый момент, когда Чарли, испуганно глядя в проем на столовую, подумала, что сказанное всё-таки ей почудилось, голос за спиной уверенно произнес:

– Присядь-ка, девочка, нам надо поговорить.

Чарли взвизгнула, уронив биту, и резко развернулась.

Чарли и чудеса

Как понять того, кто не понимает себя сам? Кто никогда не бывает одинаков? Кто не знает, чего от себя ждать?

За несколько часов до инцидента с рыбой Чарли сидела в уютной гостиной и выслушивала своего последнего на этой неделе клиента. Она словно застыла в медленном солнечном свете, который окутывал ее ореолом благодати, и пыталась понять сидящего в мягком кресле человека. Этот черноволосый доходяга с вечно опущенными вниз глазами был явно болен.... Какой, к черту, психоаналитик?! Его уже давно пора под белые ручки да в мягкие палаты. Он всё говорил, говорил, а ее глаза сосредоточенно смотрели в ответ... но на самом деле Чарли уже давно потеряла всякую связь с этим местом в прекрасный и по-прежнему знойный июльский пятничный вечерок. Все нормальные люди уже давно спешат к своим близким по мощеным дорожкам увязающего города или на встречу с друзьями. И Чарли увязала вместе с ним, расплывалась в миллионах ленивых пылинок, тонула в хороводе бессвязных мыслей. Она пыталась сопротивляться, пыталась сконцентрироваться на человеке изо всех сил, потому что, возможно, именно сейчас он говорил, что взорвет этот мир ну, скажем, в грядущую среду. В глазах Чарли, увлеченной этой мыслью, даже несколько раз мелькнула искра сознания. Но натиск ленивой истомы желеобразного

летнего небытия оказался слишком силен, и она сдалась.

Лицо черноволосого подвижного человека неминуемо раздвоилось, а через пару секунд и вовсе растаяло на фоне безликих тянучих мыслей. Ее работой почти всегда было слушать – вот она и слушала, но только не его. Нет, не сегодня... Она слушала знойный июльский пятничный вечер, настроившись на пустоту, как будто знала, что рано или поздно та обретет смысл и форму, пробиваясь через помехи. Чарли смотрела на раздвоенного человека и иногда даже морщила лоб, изображая крайнее напряжение и заинтересованность, но за этой маской давным-давно уже никого не было. Забавно, но иногда ей казалось, что когда она просит Бога о чем-нибудь, то за его маской тоже никого нет.

Не всегда, конечно, но бывают такие просьбы, вроде бы, совершенно безобидные, но в то же время очень важные, и которые никогда никто не услышит... никогда не предварит в жизнь. В таких ситуациях люди обычно занимаются самообманом, говоря себе – *ещё не время*. Но старики на смертном одре, влачившие свои безымянные надежды всю жизнь, знают ответ. Потому что жили они долго, каждый свой день таща за собой свои дурацкие надежды и несбыточные мечты. Сначала те походили на десяток консервных банок, привязанных по-идиотски к ноге. Потом годам к сорока они превратились в гири, оставляя глубокие борозды, которые видно всем. К шестидесяти они и вовсе ожили, превратившись в стаю бешеных собак с оскаленными пастьми и вытарашчен-

ными глазами, которые рвали этих стариков в разные стороны с присущим безумием: кто назад, кто вперед, кто вправо, кто влево. Они стали нападать на хозяина, который превратился в Горгону, ужасные змеи на голове которой, вдруг решили заняться самоедством. Некуда бежать, потому что они всегда с тобой. Они часть тебя. И вот, лет через десять-двадцать ты лежишь, хлопая блеклыми удивленными глазами на своих близких или на голые стены... а может, и не удивленными. Скорей всего нет. Годы удивления давным-давно канули, и осталась пустота. Та, которая никогда не обретет смысл или форму, потому что совсем скоро наступит действительно *конец*. Никаких больше иллюзий, никаких больше бешеных псов. Их нет... и гирь, тем более. Всё исчезло. Пух... нету. Разбежались искать других дураков и фантазеров. А то, что когда-то было цепями, их удерживающими, превратилось в моток грязных, засаленных руками нитей. Они больше не имеют никакой силы. Так... болтаются несуразно, словно ты – брошенная в мусор марионетка. Хотя нет, одна ниточка всё еще слабо подергивается, на конце которой привязана самая последняя надежда. Та самая, которая умирает с тобой в одно и то же время. У кого-то она бывает достаточно больших размеров, у кого-то – совсем малюсенькой, но, тем не менее, она есть. Даже у тех, кто в этом никогда не признается. Даже у самых отпетых атеистов... даже у тех, кто настолько устал от этой сучьей жизни, что хочет просто отключиться и провалиться во тьму... и тем не

менее. Это надежда на то, что там кто-то есть. Что конечной остановки не бывает, потому что за ней всегда следует круг и новое начало. И что самое ужасное, никто никогда не узнает, что происходит с этой последней надеждой... является ли она самой большой, самой жестокой иллюзией на свете? Или же вмиг проходит обратный путь, представляя в своем первоизданном виде какого-нибудь величественного феникса, который сгорает и тут же возрождается из пепла? Так вот.

Весь ужас заключался в том, что, будучи всего на всего двадцативосьмилетней девушкой, а в душе вообще еще ребенком, Чарли знала об этих стадиях... знала, что происходит с мечтами и надеждами в течение жизни и в ее конце. Она знала, какое опустошение чувствует разочарованный человек на итоговом отрезке. Знала, какая немощь и тяжесть накатывает на него, когда он из последних сил волочит за собой свои стокилограммовые гири, и что чувствует, когда мечты и надежды рвут на части, пытаясь отхватить кусок побольше. Психиоаналитику ведь это несложно – вникнуть в суть проблемы, так сказать, погрузиться в чужую личность. Это ведь даже не профессия, а умение слушать, понимать и говорить правильные вещи с позиции, вроде бы, того же самого сидящего перед тобой пациента, но только более холодного и адекватного. Хороший психиоаналитик всегда говорит то, что ты бы сказал себе сам, но только если бы был трезвомыслящим и рассудительным. Нет, это не работа, это дар. И таких людей очень мало. Большинство же всего лишь

книжные черви, и на помощь их рассчитывать не стоит. Хотя со своей позиции они правы, потому что никто не хочет сходить с ума, а рано или поздно подобная участь подбирается слишком близко к каждому гению своей области.

У Чарли был этот дар, и она прекрасно знала, что рано или поздно ее психика даст сбой. Она уже страдала от приступов паники и паранойи из-за неоднозначности и некоей раздвоенности всего вокруг, двуличности происходящего. Придаться, конечно, можно к чему угодно, но когда вера во что бы то ни было подвергается сомнению ежедневно, у любого крыша поедет. А еще Шарлин никогда и ничему не удивлялась.

Чуть больше года назад она завела свой блокнот. Поначалу тому причиной стали ее потрясающие сны, которые она решила записывать, чтобы со временем научиться управлять, как обещают в книгах. Но дело это не очень продвинулось, поскольку сны имеют обыкновение забываться. Особенно первые. А просыпаться с чувством, что видела нечто потрясающее, но ничего не помнишь – оказалось слишком болезненным. Но, тем не менее, блокнот пригодился. Более того, черный блокнот с голубой плетистой розой, обсыпанной вдоволь блестками, стал ей чуть ли не ближайшим другом. Он помогал бороться с неоднозначностью, оттягивая сумасшествие. Он спасал её, выполняя роль таблетки, удерживающей психику на плаву. Чарли записывала туда вещи, которые помогали ей не сомневаться. В основном, чудеса – так

она их называла. Проявления высшего, редкие моменты ясности.

Чарли начала собирать истории. Как, например, о девочке, упавшей с одиннадцатого этажа и не просто оставшейся в живых, но и без единого синяка. Или о везунчиках, переживших авиакатастрофы. Или о погребенных под завалами после землетрясений на долгие недели, и, не смотря на это, спасенных. И таких историй в мире довольно много, если поискать. Наверное, почти у каждого человека в жизни было нечто подобное – момент ясности и полной уверенности в высшем. Сама же Чарли могла похвастаться лишь стечением обстоятельств – хотя это, в общем-то, тоже в своем роде чудо. Кое-что надуманно, хоть и работало (и может, именно в этом и крылось чудо), кое-что реально.

Чарли искала истоки всего этого, пыталась понять природу – но порой не могла ухватить суть, распознать, кто дергает за нити – человеческий мозг или нечто большее? И именно в этом вопросе пряталась темная половина ее луны: Чарли постоянно нуждалась в различного рода доказательствах и свидетельствах того, что всё не так уж плохо и страшно... что есть нечто большее. В глубине души все люди хотели бы этого, но проблема в том, что на ум всегда приходит история с последней надеждой.... Вдруг на ее месте окажется чернота?

А вдруг нет? – думала Чарли, внося очередную запись.

– Так что вы посоветуете? – промурлыкал клиент, видимо,

выждав немалую паузу, прежде чем задать этот каверзный вопрос.

Чарли, глядящая сквозь него во все глаза, моргнула, словно распахивая накрепко закрытые двери. Ленивая истома улетучилась, но вовсе не из-за того, что она была поймана врасплох, а потому что конец этого расплавленного дня замахал флажком перед самым носом. Он спросил, что делать? Хороший вопрос, особенно, если ты ни черта не слушала... и, тем не менее, возможность выволочь свое расплавленное тело из душной гостиной наделила Чарли вдохновением.

– Ну, во-первых, расслабьтесь. – заявила она назидательным тоном. – Обдумайте всё хорошенько еще раз. Шаг за шагом. Только в этом случае я буду за вас спокойна.

Черноволосый мужчина, смотрящий вниз, вскинул брови, и легкая улыбка тронула его губы, что весьма ободрило Чарли. Она улыбнулась в ответ со знанием дела и, поднявшись из-за стола, начала ненавязчиво приближаться к двери. Может, конечно, это могло и обидеть клиента, но она ничего не могла с собой поделать. Хотелось налить себе бокал вина, поваляться в ванной, посмотреть сериал, или даже пробежаться в парке. Хотя этого Чарли не делала уже много месяцев из-за панических атак. Возможно, совсем скоро она и вовсе перестанет выходить на улицу.

– Приходите на следующей неделе. – заманчиво, почти флиртуя, сказала она. – Я думаю, у вас всё должно измениться.

Мужчина небрежно усмехнулся, но на его лице отразилось удовлетворение.

Чарли, видимо, попала в точку, но впредь она поклялась больше так не делать, особенно, в отношении тех, кто пришел к ней впервые, как этот, и чьих потенциальных проблем она не знала. Просто очень хотелось, чтобы он ушел. И сейчас, глядя на исчезающую в проеме двери спину своего последнего клиента, Чарли показалось, что и он в курсе ее мотивов. Хотя, кто знает? Может, его улыбка и вправду говорила – *Вы расставили всё по своим местам, мисс Новак. Да благослови вас Бог.* А может, и нет.... Хотя, впрочем, какая разница особенно в этот пятничный знойный вечерок, когда желание придаться праздности побило все возможные пределы? Не с друзьями, потому что их не было. Не в питейных заведениях, которых Чарли сторонилась. А по своему – скучно, возможно, и скудно, но для нее иного выхода просто не могло быть. Она редко выходила, но через пару лет перестанет и вовсе.

И это был самый обычный пятничный день. Жаркий летний и ленивый до безумия, но обычный. Летом вообще невозможно работать. *Лето предназначено для пляжей, а не для работы* – говорила всегда Чарли. И тогда каждый, даже самый обычный день станет желанным.

Несколькими часами позже, опускаясь, практически сползая на стул, именно об этом Чарли и подумала.... О том, насколько обычным был этот день, и насколько часто она

грустила из-за отсутствия приключений, хотя с ее-то проблемами, о каких приключениях может идти речь? Чарли ненавидела себя за слабость, но ничего поделать не могла. А вот сейчас вся сторбленная, напряженная и больше не доверяющая ни себе, ни своей психике, Чарли была готова отдать многое за обычность и рутину дней, которые так ненавидела раньше.

* * *

Звук от упавшей биты, которая со свистом проскользнула по потным ослабшим ладоням, до сих пор отдавался в голове Чарли. Как будто она держалась за него, чтобы не подумать ни о чем другом. Ну вот и всё, Чарли, наконец-то, сошла с ума. Хотя нет, поправка – Чарли *окончательно* сошла с ума. Надо же выбрать клинику.... Надо подумать, говорить ли кому-нибудь об этом. Ну а с работой уж точно придется попрощаться навсегда. С таким пятном уже не восстановят.... Она невольно вспомнила историю, прогремевшую совсем недавно, как один спятивший психиатр задавил умственно отсталого ребенка, которого лечил. Фрэнк Бэйли, кажется. Кто-то говорил, он покончил с собой в итоге, кто-то утверждал, что передознулся, а кто-то – что угодил в психушку. Подобные истории не прибавляли оптимизма Чарли, которая всегда была уверена, что работников ее поприща ожидает похожая участь.

– Ты не сошла с ума. – заметила рыба голова. При этом рот ее чуть приоткрылся, но глаза оставались по-прежнему мертвыми.

– Сошла. – тихо сказала Чарли, кивая.

Голова не пугала больше, потому что совершенно точно была подсознанием. Пугало то, *что* Чарли видела его и слышала.... Пугало и злило.

– У-у... – промычала форель насмешливо. Чарли даже показалось, что правый мертвый глаз чуть дрогнул под якобы приподнявшейся воображаемой надбровной дугой. – А ты забавная.... Но не сумасшедшая.

– Чем докажешь?

– Я? – возмутилась рыба. – Нет уж, извини. Это твое дело решать – доверяешь ты себе или нет. Это только твоя война. Твоя забота. А моя забота, чтобы ты меня выслушала очень внимательно и сделала то, что я тебе скажу.

– Так вот этого я и боюсь... – мрачно заметила Чарли. – На моей практике, если человек делает то, что ему сказала голова форели – то это называется безумием. А если ты меня попросишь убить кого-нибудь?

– Тогда ты сразу поймешь, что сошла с ума, хотя это в любом случае довольно сложный вопрос. – Чарли показалось, что рыба голова на тарелке готова удариться в какие-то измышления. – Я же предлагаю тебе историю, после которой ты будешь точно знать, что твоя психика не дала сбой.

– Господи, что я делаю?! Говорю с рыбьей головой... –

Чарли была в смятении. Она буквально раздвоилась – одна сидела за столом, а другая скептически на это взирала, смеясь (хотя аналитикам смеяться над безумцами нельзя) и подзуживая: «Господи, ну что ж ты делаешь?! Ты же говоришь с рыбьей головой...»

– Ладно... – наконец, заключила она, сцепив руки в замок на столе. – Я слушаю.

– Я хочу рассказать тебе об одной учительнице по имени Кейси Парсон... – сказала голова форели, а Чарли отметила, наконец, что голос у нее мужской. Довольно низкий, но ужасно приятный. Словно обволакивающий тебя чем-то мягким, вельветовым... похожим на сегодняшнюю лениво-истомную погоду.

– Правда она не очень долго работала учительницей. Так получилось... Вышла замуж на последнем курсе и залетела. У ее мужа имелся неплохой доход в одной не очень известной юридической фирме, так что нужды работать у Кейси не было. Когда ее девочке – ее звали Кейт – исполнилось тринадцать, они переехали в Иллинойс, и Кейси решила пойти на работу. Дома сидеть стало слишком скучно. Да и муж не высказался особо «против», в глубине души считая, что всё это ненадолго, и жена быстро остынет. Отчасти он оказался прав, но только причина крылась в другом... Кейси устроилась в ту же школу, где училась ее дочь, но они практически не пересекались, потому что миссис Парсон преподавала в старших классах. Да и потом она считала, что незачем дру-

гим детям знать, что у Кейт здесь работает мама. Мало ли... решат, что она на особом положении и будут дружить лишь по этой причине. Но Кейси не знала детей, как оказалось. Свою-то она растила в любви, но это далеко не значило, что и у остальных должно быть так же. Все, конечно, сразу разобрались, что у Кейт здесь мама, и это оказалось не в пользу девочки.... Ее невзлюбили в классе, как поведала потом ее учительница. Кейси спросила после всего, почему та не сообщила об этом сразу же, но женщина лишь пожалала плечами. Возможно, она просто не захотела влезать? Делала, конечно, замечания, но по сути, ее не волновало то, чего она не видела. А не видела она очень многого....

За три месяца до конца учебного года маленькая Кейт покончила с собой, прыгнув с крыши школы, пролетев шесть этажей и проломив крышу оранжереи.

– Боже мой! – воскликнула Чарли.

– Это лишь начало... – продолжала голова. – Есть хорошие полицейские, а есть плохие. Кейси не повезло, ей попался плохой. Дело закрыли, по сути, так и не открыв, хотя поводов имелось немало. Чуть позже они с мужем переехали в другой штат, и не прошло и месяца, как разошлись. Одних трагедии сближают, а других отдаляют. Ничего с этим не поделаешь....

– И что я должна сделать? – хмыкнула Чарли. – Свести их обратно?

– Дослушай! – достаточно жестко перебил голос. – На

этом закончилась официальная история, есть и другая... и Кейси потратила примерно год, чтобы ее составить. Она многое узнала и самое страшное тоже. Как, например то, что над Кейт жестоко издевались в классе. Ее обзывали, били, закрывали в туалетах, кладовых, и везде, где только возможно. Сама Кейт об этом никогда не рассказывала, и уж Бог знает, что ей руководило. Кейси ее тоже часто ругала, за то, что, как выяснилось позже, не было виной дочери. Ее просто закрывали в какой-нибудь раздевалке – вот она и опаздывала, а мать тут же вызывали к директору. В общем, девчонке доставалось по полной.

А начали девочки из класса. Трое из них... подружки, самые популярные, как часто происходит. И именно с их подачи всё стало набирать обороты. Сложно понять детей в их ненависти. Может, Кейт им грубо ответила? Может, на нее обратил внимание мальчик, на которого были виды у Роуз или Мэри.

В мозгу у Чарли вспыхнули эти два имени, и через миг ее глаза вылезли из орбит. Она же только что смотрела новость!

– Три девочки, которых держат сейчас в заложниках? Так ты о них мне рассказываешь?

– Да. – ответила рыба.

– Подожди-подожди, а женщина с ними... – Чарли пода-лась вперед и понизила голос. – Это что Кейси? Как-ее-там?..

– Парсон. – подтвердила рыба голова.

– Ничего себе! – присвистнула та.

Чарли больше не казалось странным то, что она разговаривает с отрезанной головой. И сумасшедшей она себя тоже перестала считать. Пока во всяком случае. Всё казалось более чем реально. Форель, или кто она там на самом деле, права – эта история расставляла всё по местам.

– Но ты ведь что-то говорил про полицейских... дело расследовали? Самоубийство-то имело место быть или нет?

– Нет. – ответила голова. – Эти три девочки сбросили ее с крыши. Причем намеренно выбрали место над оранжереей, чтобы было больше повреждений.

– А зачем?

– Потому что Кейт была уже мертва к тому моменту. На фоне свежих ран не заметны старые – так подумали девочки. И если бы плохой полицейский, который, кстати сказать, оказался дядей Роуз Макдуган, и которого зарезали в пьяной драке пятью месяцами позже, оказался хорошим, то не стал бы закрывать дело, заметив проплешины на голове Кейт.

– Проплешины? – переспросила Чарли.

– Да. Ее прекрасные волосы – густые и длинные – поджигали в тот самый день, который и стал последней каплей... стал безумием. Они выдирали их клоками. Девочки очень сильно избили Кейт. Кто-то ударил ее ногой в висок, что и послужило причиной смерти.

– Неужели это случилось прямо в школе? – с ужасом спросила Чарли.

– В туалете на шестом этаже после дополнительных клас-

сов. А когда они поняли, что убили Кейт, то оттащили ее на крышу – смотрителя, который не запер дверь, впоследствии уволили – и сбросили на оранжерею.

– А как обо всем этом узнала Кейси?

– Ищущий да обрящет. – был ответ. – Сейчас это уже неважно. В любом случае она узнала... Прошел где-то год с тех пор. Кейси хорошо подготовилась. Нашла заброшенный дом в лесу, и сделала так, что девочки сами сели в ее мини-вэн.

– Но как?

– Очень просто. Она сказала, что всё знает. Что у нее есть доказательства и фотографии. И когда она рассказала в красках, *что* на этих фотографиях, у девочек не осталось ни малейшего сомнения в том, что Кейси говорит правду. Поэтому они никому ничего не сказали, боясь за свои задницы, а просто собрались там, где было велено.

Чарли, конечно, подмывало спросить, откуда он сам всё это знает, но идея спрашивать подобное у говорящей рыбьей головы, казалась совсем уж неправильной. Тем более, если ты зашла уже так далеко, почему бы не зайти еще дальше? Кто сказал, что так нельзя?

– Хорошо. – наконец, сказала она. – А от меня-то ты что хочешь?

– Завтра, ровно в 6:15 вечера она убьет девочек, а потом и себя.

– Я так и знала... – буркнула себе под нос Чарли, снова

зарубив на корню вопрос: «Откуда ты знаешь?»

– И я хочу... – продолжала рыба голова своим томным мужским голосом. – Чтобы ты ее остановила.

Чарли застыла, думая, что ослышалась, а потом подалась вперед, почти касаясь носом приоткрытого рыбьего рта.

– Интересно, *как*?!

– Очень просто. Возьмешь трубку, наберешь номер, закажешь такси на полвторого. Через пару часов ты уже будешь в Ринтоне, такси остановит тебя у «Скотиш Инн», а там я проинструктирую тебя, что делать дальше.

– Знаешь, я боюсь, что с рыбьей головой у меня могут возникнуть проблемы за два часа... – саркастично подметила Чарли. – Если не это, я б согласилась, а так... извини.

– **Тебе не надо брать рыба голову.** – разделяя слова, твердо отрезал голос. Отрезал так, что напрочь расхотелось шутить.

– Ну, ты же не думаешь, что я поеду?..

– Нет, я именно так и думаю.

– Но почему я?! – не унималась Чарли, даже близко не подпуская к себе идею вот так вот сорваться с места.

– Потому что ты *можешь* это сделать.

– Сделать ЧТО?

– Отговорить ее.

Чарли всплеснула руками.

– А ты уверен, что больше никто не может этого сделать???

– Уверен.

– А если я откажусь? – Чарли от негодования покрылась пятнами.

– Не можешь.

– Почему?

– Потому что тогда я сделаю с тобой то, чего ты больше всего на свете боишься – *сведу тебя с ума*.... Рыба – это всего лишь мелочь. Ты ведь поняла это уже, не так ли?

– *Черт*... – через минуту прошипела Чарли, чуть ли не отколов кусок зуба от злости, и подтвердив предыдущую фразу полностью.

Она не сомневалась, что целиком и полностью зависит от этого голоса – не от рыбы, естественно. Ей что-то управляло... что-то гораздо большее, мощное. Какое-то чудо. От самой Чарли, похоже, мало что зависит теперь. Всё решено давно и за нее.

– Ладно. – очень тихо сказала она, с трудом понимая, значение этого слова. – Но откуда ты знаешь, что она убьет девочек, ведь она позвонила матери одной из них? Устроила шумиху. Это же против правил, разве нет? Зачем всё это?

– Потому что так больнее. Родители, вроде бы, обрели их – своих дочерей, и тут же потеряют снова. Она просто хочет, чтобы они почувствовали то же, что и она. Вот и всё.

– И ты считаешь, что меня она послушает?

– Более чем уверен. – ответила голова, или кем там она была на самом деле.

– А как я попаду в дом? Сквозь все эти толпы? – но этот вопрос остался безответным.

– Эй! – прикрикнула Чарли. – Э-эй!!!

На этот раз она осмелилась ткнуть рыбью морду пальцем, и тут же стало ясно, что это вновь просто отрезанная голова форели, приготовленная для супа, которого, разумеется, уже не будет. Кусок в горло не полезет.

– Отлично... – выдавила Чарли и откинулась на спинку стула.

* * *

Шарлин не верила в то, что делает... не верила, что делает вообще что-то. Она просто отключила мозг за ненадобностью и действовала на автомате. Первым делом Чарли, конечно, выбросила рыбью голову. Она понимала, что этого в принципе не требуется и, тем не менее, суп из нее делать напрочь расхотелось. Пусть ее просто здесь не будет, вот и всё. Потом она взяла трубку, набрала номер, отыскав в телефонной книге, заранее заказала такси на половину второго, и всё это оказалось действительно просто. После этого Чарли пошла в спальню, вытащила из шкафа маленький округлый чемоданчик, похожий на игрушечный, со встроенным компасом – фишка от производителя – и положила на кровать. Можно подумать, что владелец подобного багажа способен забрести в какие-нибудь непролазные степи или леса. Хотя,

случается всякое, и записи в блокноте Чарли – тому подтверждение.... Потом она раскрыла его и принялась таскать вещи первой необходимости: косметику, белье, пару сменных маек – черную и белую, а также стеганую безрукавку с капюшоном. Чарли совершенно не умела собирать вещи, не соотнося с протяженностью возможной поездки, просто брала про запас. Сколько лет она уже никуда не ездила? Последний раз, когда были живы родители, наверное... а тогда она сама еще пешком под стол ходила. Если бы кто-то сейчас спросил Чарли, что она собственно делает, та бы ответила:

– Собираюсь.

Но на вопрос «зачем», она бы лишь пожала плечами, потому что просто не думала об этом. Цель поездки крылась за шифрами, которые ее мозг оказался не способен разгадать. Она просто делала то, что представляла под термином «собираться». То, как видела в фильмах.

Когда с чемоданом было покончено, Чарли приняла душ, поставила будильник на 8:30, выпила снотворное, без которого уже очень давно не могла засыпать, и улеглась. Ни о каком бокале вина или ванной речи больше не шло. И всё это оказалось очень просто... механически просто. Как и обещала форель.

На следующий день Чарли тоже делала только то, что должна была. И в этом снова не нашлось никаких сложностей. И если бы кто-то спросил ее, а что она собственно делает в такси, Чарли бы ответила, что едет в Ринтон, но на

вопрос «зачем», она бы лишь пожала плечами.

Она не носила часов, потому что не любила следить за временем – оно пугало ее, и всегда решала проблемы только по мере их поступления – берегла себя. Так правильно. Жизнь сама по себе очень нездоровое занятие, зачем же все усугублять? Она совершенно не заботилась о том, куда едет, уже давным-давно начав сомневаться, что вчерашнее ей просто почудилось, но, тем не менее, на всякий случай, послушно следовала своему квесту, прекрасно помня слова: «Я сведу тебя с ума». Похоже, она заключила сделку с собственным мозгом и теперь должна выполнить свою часть договора. Даже панические атаки отступили, как ни странно, а она-то уж и не чаяла забраться так далеко. Деньги Чарли с собой взяла, так что сможет снять номер, а завтра двинет обратно... или послезавтра – в конце концов, устроит себе отпуск: посмотрит национальные парки и озера, съездит в какие-нибудь заповедники, да мало ли....

– Ты сейчас войдешь в отель. – вдруг сказал водитель, вырвав Чарли щипцами из утешающих раздумий, и напугав до полусмерти.

– Что? – она подалась вперед, заглянув в лицо мужчины, и тут же всё поняла.... Ей вчера ничего не привиделось, и с мозгом она никаких сделок не заключала. Всё было взаправду.

Что-то в лице водителя напоминало вчерашнюю отрезанную рыбью голову на тарелке – те же мертвые глаза: смотря-

щие, но невидящие, потому что там сейчас притаился кто-то другой.

Сердце ухнуло вниз, и Чарли откинулась на спинку сиденья, недовольно сцепив на груди руки.

– Не думала же ты, что так легко от меня отвяжешься?

– Честно? Думала.

Водитель усмехнулся, но лицо осталось каменным. Чарли даже отвернулась к окну, чтобы не сталкиваться с ним взглядом в зеркале заднего вида... с его лишенными жизни глазами. С этим заброшенным домом, полным призраков.

– Ты сейчас войдешь в отель. – повторил он, наконец, всё тем же знакомым обволакивающим голосом. – Спросишь, занят ли номер двести двадцать один. Скажешь, что это твоя любимая комната, и ты всегда в ней останавливаешься. Тебе ответят, что, к сожалению, номер занят. Этого времени вполне хватит, чтобы такси уехало. Алиби всегда должно быть безупречным. Регистратор посоветует тебе что-нибудь другое, но ты вежливо откажешься и скажешь, что впредь будешь умней и сначала позвонишь, а потом приедешь. Скажешь, что если ничего не найдешь, то снимешь коттедж к северу от города. Когда ты выйдешь из отеля, тебя уже будет ждать другая машина.

– Почему я не могу ехать на этой до места?

– Потому что это такси. В такие места на такси не ездят – и это меньшая из твоих проблем.

– Ну да... – отозвалась Чарли саркастично, а про себя по-

думала: *Это ведь не со мной... это просто не может быть со мной.*

– Приехали, мисс – весело доложил водитель совершенно другим голосом. Здесь больше не было того, кто отдавал ей приказы (*ну и, слава Богу*).

Пока такси выруливало на стоянку, Чарли отметила, что вокруг совершенно немногочленно. Приземистый отель кукольно прятался под зеленой плоской крышей и был одноэтажным. Лишь главный корпус едва выдерживал два этажа. Впрочем, он казался чистеньким и пах свежевыкрашенными стенами – не ядовито, но довольно чувствительно. Чарли всё никак не могла взять в толк, зачем столько хлопот с транспортом. И даже если до места нельзя ехать на такси, то почему от порога ее сразу же не довез кто-то подходящий? И какое к черту алиби?..

Чарли расплатилась с водителем и вышла на свежий воздух. До чего же дикие места, подумала она, оглядываясь. Один сплошной лес. Она поднялась по ступеням в отель, и далее сделала всё, как от нее хотели. Сценарий не уклонился ни на йоту, только лишь регистратор оказался немного настойчивей. Всё уговаривал на другой номер, который ничуть не хуже, а даже практически такой же (если не сказать без «практически»), как и все прочие номера отеля. Но Чарли твердо стояла на своем, превратившись в довольно заметно-го постояльца. Какое уж тут алиби?! Здесь ее уж точно запомнят. А еще регистратор пару раз бросил взгляд на бир-

ку с некоторыми данными на случай потери, прикрепленную к чемодану. Она ослепляла, словно свет из тоннеля. И хоть к Чарли и не обращались по имени, свидетельствуя о том, что регистратор его не смог прочесть, но, тем не менее, если нагрянет полиция с расспросами, он, безусловно, поможет восстановить полную картину. Как же Чарли забыла про бирку?.. Она же никуда не ездила, вот и не обратила внимания.

Машина, о которой ей сказал предыдущий водитель, стояла не у отеля, а на обочине, чуть поодаль. Чарли поняла, что это та самая, увидев, как из окна водительского сиденья вылезла рука и отсалютовала ей. Неужели она сейчас увидит, наконец, истинного владельца голоса? У голоса же должен быть владелец? Ноги Чарли несколько завибрировали под лавой эмоций, но, тем не менее, ее блуждающая полуулыбка сползла, когда она нырнула на пассажирское сиденье.

Мужчина за рулем мышино-серого форда Шелби в черном пиджаке и джинсах был явно не здесь. Глаза по мертвому слепо пялились на дорогу, а руки механическими движениями управляли машиной. Форд тронулся, и к слову сказать, если бы устроили конкурс на самую неприметную машину в мире, он бы отхватил первый приз. Кстати, и сам мужчина тоже не ушел бы с пустыми руками. Его лицо было настолько типичным, что Чарли ни за что бы не запомнила его и не смогла описать, сколько не всматривайся. Как только она отворачивалась, лицо водителя тут же превращалось

в пятно, в обрамлении волос неопределенного цвета.

Дорога, по которой они ехали, пролегла через лес, и не покидало ощущение, что они совсем скоро приедут. Бесконечный густой лес – он казался заставкой, усыплял своими бессменными растянутыми кадрами.

– Нам долго ехать? – спросила Чарли, но ответа не получила. Она, скривившись, нетерпеливо вздернула подбородок, и повернула лицо к водителю.

– Есть кто дома? Ты там?

– Да... – ответил знакомый голос.

– А чего молчишь?

– У тебя около двух часов. – сказал тот, проигнорировав предыдущий вопрос.

– На что? – не поняла Чарли. Хотя, всё она поняла, просто хотела удостовериться....

– На то, чтобы подумать, что ты ей скажешь.

– Я никогда не думаю о том, что скажу.

– Неужели?..

Чарли хмыкнула и прищурилась. Да, действительно она соврала, и не потому, что делала подобное часто, а просто из чувства противоречия.

– Мне кажется, или ты что-то обо мне знаешь?

– А это сейчас совершенно неважно.

Чарли была готова возразить, но в этот момент водитель повернул к ней свое лицо... свои мертвые неподвижные глаза, и на миг его зрачки завибрировали, а радужки словно бы

заволокло черным. Чарли отпрянула, а он повторил:

– Неважно.

– Ладно-ладно, чего так нервничать? На дорогу лучше смотри, а то не доедем.

Водитель отвернулся к облегчению Чарли, видимо, приняв такую возможность.

– Тебя как вообще зовут? – спросила она, качая головой. – У тебя же есть имя? Или это тоже неважно?

– Кай.

– Кай... – глухо повторила Чарли. – Ну, хорошо, Кай, теперь вопросы только по делу. Скажи мне точно, что именно я должна сделать?

– Отговорить Кейси убивать девочек.

– Ну и как я это сделаю? *Если те убили ее дочь?*

– Вот видишь, ты уже поставила себя на ее место.

– Пока что мне это не помогает!

– Не спеши. – коротко ответил, как выяснилось, Кай. – Когда ты всё увидишь своими глазами, то разберешься.

– А на что ж тогда мне час нужен? – с легкой издевкой спросила Чарли.

– На то, чтобы подумать, что ты ей скажешь, когда войдешь, прежде чем она успеет *всех* перестрелять.

– Класс... – Чарли театрально закинула голову. – Есть над чем подумать.

– У нее винтовка. Или ты думала, что она собирается застрелить девочек из пальца?

– Я, честно говоря, вообще ни о чем таком не думала.

– Теперь у тебя есть на это время.

Чарли предпочла больше ничего не говорить. Честно говоря, ее мантра «*это не со мной*» временно вышла из строя. Она начала понимать, что влипла. И влипла по-крупному. Шарлин, конечно, иногда попадала в передраги, и жизнь ее была под возможной угрозой, как казалось, но всегда помогал случай... почти всегда. А сейчас всё зависело только от нее самой. А что если она лишь успеет открыть рот, как тут же ее череп разнесет на мелкие ошметки? Да, дела... Есть над чем поразмыслить. Определенно. Вот так живешь-живешь, и ничто тебя не удивляет, а потом «бах», и твоя жизнь меняется на сто восемьдесят градусов.

Странно, что Чарли не сделала ни единой записи в своем блокноте. Вот если она выйдет живой из того дома, то сочтет это настоящим чудом, потому что так оно и будет. Яснее ясного. Даже степень ее удивления пока что находилась в своих обычных пределах. Ну а что такого – подумаешь, телепат. Засел где-нибудь и руководит ей. Но он прав, подумать о винтовке всё же стоит.

Итак, Кейси... Кейси-кажется-Парсон. Что же мне с тобой делать? Что же сказать такого, чтобы ты не снесла мою бедовую голову, вместо «здрасьте»?

Но это должно быть, как минимум, нечто действительно выдающееся. Нечто, из-за чего дрогнет ее палец на курке (дрогнет в хорошем смысле). Господи, как же Чарли во все

это ввязалась? Какая большая разница между *вчера* и *сегодня*. . . . *Вчера*, когда всё было до тошноты обычно, и *сегодня*, когда тебя могут просто пристрелить, и вчерашняя обычность больше не кажется тошнотворной. Да, всё так. Ничего нового. Жизнь и вправду порой ведет себя как шлюха, готовая отдаться тому, кто больше заплатит, и это будет правильный выбор. Правильный, с любого ракурса.

Через минут десять на обочине появились первые брошенные автомобили. *Зеваки*. . . – пренебрежительно подумала Чарли и оказалась права. Скоро Шелби свернул с шоссе на узкую прилегающую дорогу, по краю которой волочились люди, словно зомби. Их было немного, в основном те, кто не знал точного места дома. Те же, кто оказался чуть более осведомленным, ехали вперед на машинах. Хотя, в общем-то, идущие не были уж сильно в проигрыше, потому что очень скоро на узкой дороге образовалась пробка, и вереница машин намертво встала. Люди бросали свои транспортные средства, чтобы углубиться в лес. Мышиного цвета фورد тоже остановился.

– Не переносу зевак. – раздраженно сказала Чарли, озираясь, а потом повернулась к безликому спутнику. – И что теперь?

– Теперь? Выходи и следуй за людьми. . . за *зеваками*. – подчеркнул он ехидно. – А там уже войдешь внутрь и. . . я полагаю, ты подготовила вступительную речь?

– Нет. – с вызовом бросила та, и спросила. – А как же

я внутрь-то войду? Там же куча народу! Телевизионщики, полицейские.... Как?

– Я помогу тебе?

– То есть ты всё-таки пойдешь со мной?

– Нет.

– Понятно. – устало буркнула Чарли.

Ей все это уже порядком поднадоело, если честно. Вся эта непонятица. Да, здорово, конечно, что у него свои безотказные методы, но этого не всегда бывает достаточно. Мог бы и войти в положение, что ли.

– Послушай, Кай. – позвала она, выходя из машины. – Когда... – она поправилась. – *Если* всё закончится успешно, если выйду живой, я бы очень хотела с тобой встретиться.

Когда Чарли говорила это, ее лицо оставалось непроницаемым, если не с налетом неприязни. Удивительно, с какой скоростью всё новое и интересное становится скучным и раздражающим.

– Другого я и не жду. – ответил на это Кай, не выразив никаких эмоций.

Чарли захлопнула дверь и сделала шаг, но потом замешкалась, отступила и нагнулась к опущенному ветровому стеклу. Она как будто цеплялась за соломинку, а точнее за ветку, обглоданную короедами. Ты знаешь, что она сейчас сломается, но, тем не менее, продолжаешь пытаться спасти свою шкуру даже таким нелепым способом.

– А сдалась тебе вообще эта Кейси?

Кай повернул к ней голову, уставившись совершенно стеклянными глазами. По спине Чарли побежали мурашки.

– Поговорим об этом позже.

Чарли фыркнула. То неважно, то позже... А если важно? А если позже уже не наступит?

– Иди. – приказал он, отвернув свои пустые глаза. – Уже пять. У тебя не так много времени.

– Разве?

– Время смерти нельзя отложить. Она может застрелить их и раньше по ряду причин, но не позже четверти седьмого.

– Но что же я тогда пытаюсь сделать, если время нельзя изменить? – устало спросила та, буквально повиснув на ветровом стекле.

– Ты пытаешься изменить не время, а обстоятельства – единственное, что можно изменить. А теперь иди, Чарли. Просто иди, а обо всем остальном я позабочусь сам.

– Не сомневаюсь. – устало бросила та и отошла от машины.

На самом деле, в глубине души, Чарли не думала, что умрет. Страх не было. Настоящего страха... и понимания, насколько всё серьезно. Ведь это не более чем игра. И Чарли – вовсе не Чарли, а какой-то другой персонаж из фильма. Она играла роль и была сторонним наблюдателем одновременно. Ведь это не с ней? С её-то проблемами зайти так далеко – невозможно. Ну, конечно, не с ней.

Чарли следовала за горстками людей, словно за муравья-

ми, которые без устали тащили к своему муравейнику всякую всячину. Вечернее солнце пробивалось сквозь густые кроны редкими лучами, как будто кто-то там сверху искал их с фонарями. Пахло лесом, и влагой, и хоть медленно подкрадывался вечер, почему то казалось, что сейчас утро. Раннее утро, когда всё только просыпается. Даже люди перестали напрягать, представляясь какими-то безумными походниками или любителями пикников. Шествие продолжалось довольно долго, возможно, минут двадцать, а то и все полчаса. Где-то вдаль справа просматривалась узкая лесная дорога, по которой Кейси, видимо, привезла девочек. Сейчас она была отрезана патрулем. Вскоре по нарастающему шуму Чарли поняла, что уже близко, а когда стала различать отдельные голоса, то увидела открытую поляну с довольно ветхим двухэтажным срубом с треугольной крышей, когда-то принадлежавшим леснику. Он стоял на возвышенности, поэтому хорошо обозревался с ее стороны.

Народу собралось тьма. Кто-то даже расселся на одеялах, закатив небольшой пикничок, уминая бургеры. Сюда приезжали целыми семьями. Чарли скривилась от всего этого.... Было много полицейских – они напряженно сновали перед желтыми оградительными лентами и настойчиво просили штатских расходиться по домам и не мешать работе правоохранительных органов. Один из них, видимо, самый главный, давал интервью репортеру местной телекомпании, микроавтобус с названием которой оказался в числе тех, ко-

му позволили сюда проехать. За ним вдоль дороги стояли еще несколько из других местных телекомпаний и глянце-
вый черный автобус с национального телевидения. Также на
обочине неуклюже кренились две машины скорой помощи,
у которых разгоралась оживленная дискуссия между води-
телями всех подъехавших транспортных средств, медиками
и заскучавшими полицейскими. Они стояли кружком, и до
Чарли донеслись отголоски спора, суть которого упиралась
в то, что микроавтобусы телекомпаний заняли всю первую
линию, из-за чего «скорые» не смогут подъехать ближе, если
потребуется помощь.

Раздраженно покачав головой, Чарли продолжила дви-
гаться вперед, пробираясь через «задние ряды». Не сказать,
чтобы люди стояли очень уж плотно, поэтому она с легко-
стью, огибая чьи-то плечи и локти, оказалась перед желтой
ограничительной лентой, за которой помимо полицейских и
репортеров томились родители девочек. Матери одинаково
плакали, отцы успокаивали их роботоподобными движения-
ми, но на самом деле не чувствовали ничего, находясь в глу-
боком ступоре. Впрочем, как и сама Чарли. Она казалась се-
бе лабораторной крысой, которая добежала до тупика в ла-
биринте и теперь не поймет, что делать дальше – не обучена.

Она окинула взглядом дом, который казался почти зло-
вещим. Трухлявые ставни были намертво закрыты, но Чар-
ли не сомневалась, что где-то там есть лазейка, через кото-
рую прекрасно обозревается весь периметр. Может, навер-

ху? Скажем, на чердаке? Чарли проследила взглядом и действительно увидела маленькое окошко – правда, абсолютно непроглядное, как будто тонированное или просто матово-серое от засохшей грязи. Но в любом случае не вызывало никаких сомнений, что за ним кто-то притаился (*Кейси*) и неустанно следит за всеми телодвижениями, как с этой стороны, так и с обратной.

– Ну и что теперь делать?.. – буркнула себе под нос Чарли еле слышно, хотя возможно, лишь открыла рот.

– Просто иди... – сказал кто-то справа.

Чарли вздрогнула и медленно повернула голову. Рядом с ней стояла женщина с рыжими непослушными волосами, похожая на Сонию Рикель. Она придвинулась почти вплотную, касаясь плечом. Ее глаза были совершенно пустыми, мертвыми, как и глаза отрезанной рыбьей головы.

– Они не увидят тебя. Никто не увидит, пока ты не войдешь в дом.

– Но...

– Никаких «но», просто иди! – настаивала рыжая. Она говорила женским, но слишком уж низким голосом.

– Ладно-ладно! – крикнула Чарли раздраженно и согнулась, чтобы пролезть под лентой – да всё, что угодно, только бы не слышать этот голос.

Оказавшись на запрещенной стороне, она выждала минутную паузу, но никто не среагировал на нее. Чарли тщательно огляделась. Люди и вправду не замечали ее – не то,

чтобы смотрели сквозь – ничего такого. Просто не замечали, глядя, куда угодно, только не на нее. Чарли несмело попыталась к дому, чувствуя себя глупо, но снова не заметила никакой реакции. Тогда она развернулась, пожав плечами, и пошла более уверенно – никто не окликнул, никто не приказал ей остановиться. Она даже больше не оборачивалась, просто спокойно дошагала до двери. Да, Кай сдержал слово, он помог. Но если этот человек обладал такой силой, то почему не сделал всё сам? *Надо будет спросить.* – подумала Чарли, а еще, когда ее ладонь легла на ручку двери, ведущей в дом, она осознала, что в ее голове нет ни единой мысли.

Кай позаботился, чтобы дверь была открыта. Не для всех, только для Чарли. Она легонько надавила на ручку, и та поддалась. Ничего удивительного. *Начинается самое интересное...* – мрачно подумала она. – *Открывайте окна, становится жарко.*

Проскользнув в проем, Чарли бесшумно закрыла за собой дверь и обернулась. Она оказалась в небольшом коридоре, выходящем в довольно уютную гостиную, почти лишенную света. Посередине стоял стол, покрытый белой кружевной скатертью, и девочка со светлыми волосами в фартуке накрывала к ужину. По новостным передачам Чарли могла судить, что это Роуз Макдуган. Она расставляла тарелки и была полностью сосредоточена на том, что делает. Слева от закрытого окна располагалось два кресла с довольно обтрепанной флисовой обивкой в мелкий голубой колокольчик.

Между ними находился низенький журнальный стол, на котором стоял дряхлый и пыльный проигрыватель. На нем крутилась виниловая пластинка, и Дасти Спрингфилд печально тянула «Если ты уйдешь». В одном из кресел сидела Кейси Парсон и увлеченно читала женский журнал. Она была интересной черноволосой женщиной с заостренными чертами лица, но пережитое горе оставило на ней свой отпечаток и добавило возраста.

Очень странно было наблюдать эту сцену. То, что происходило на улице и здесь, в этом доме, разительно отличалось. Просто семья, которая собиралась поужинать, и Роуз уж точно не походила на пленную. Ничто в этом доме не говорило о наличии заложников, хотя рядом с креслом, в котором сидела Кейси, лежала винтовка. Но и она не помогла представить эту женщину с Вог в роли злобного захватчика. Скорей подсознание вырисовывало то, как она защищает свой дом и семью от каких-нибудь бандитов, от собравшихся вокруг налетчиков. И никто не замечал Чарли.... Интересно, сколько бы это могло продолжаться? Нелепая сцена, если учесть, что она стояла в проеме уже как минут пять. Чарли ощущала себя незванным чужаком, вломившимся в дом, чтобы нарушить мирную семейную идиллию. Но когда-то это должно было закончиться.

Краем глаза Роуз заметила фигуру.... Фигуру, не принадлежащую ни Лизи, потому что та убирается сейчас на втором, и ни Мэри, которая несет вахту на чердаке, и уж точ-

но заголосила бы, если увидела кого-то, сделавшего шаг в их направлении. *Демон... злой дух* – подумала она, медленно... очень медленно повернув голову. Роуз увидела привлекательную худенькую девушку с кофейными волосами, завязанными в узел на макушке, одетую в узкие потертые джинсы и свободную белую футболку. *Нет, не демон...* – настороженно подумала она. Но как человек мог пробраться в дом? Если только Мэри не заснула, что вряд ли – ведь за это можно и схлопотать, а она точно этого не хочет.

– Миссис Парсон?.. – позвала Роуз, боясь шелохнуться.

Кейси оторвалась от журнала и сосредоточенно посмотрела на девочку.

– В чем дело?

Но Роуз не ответила ей, продолжая лишь тупо смотреть в сторону. Кейси проследила взглядом, и ее дальнейшие движения были молниеносны. Чарли даже не заметила, как та вскочила, схватив винтовку, нацеленную точно в лоб. Эта женщина стремительно перестала напоминать хранительницу мирной идиллии, превратившись в хищницу, в безумную демоницу.

– Ты кто такая???

Чарли развела руки в стороны, чтобы показать, что они пусты, а потом сказала очень спокойно:

– Никто.

Глядя яростными глазами в ответ, Кейси обратилась к Роуз:

– Приведи Мэри! Пусть Элизабет посидит за нее! Живо!

Роуз не надо было просить дважды, она пулей понеслась вверх. Послышались оживленные разговоры, потом снова топот, снова разговоры – правда, значительно тише, и топот опять. Всё это время Чарли стояла, не зная, куда деть глаза. Сначала проследила за девочкой, потом обвела взглядом комнату, задержавшись на часах, висящих над камином – двадцать минут шестого. Оставалось немногим меньше часа до массового расстрела, а может, и меньше... намного меньше. Как там сказал Кай? Время смерти нельзя отложить, только приблизить? Кажется так. Еще он сказал, что единственный выход – это изменить обстоятельства. Интересно, как? *Станцевать, что ли?..* – заторможено подумала Чарли. – *А может быть, спеть?* Да не до смеха теперь.... Когда на тебя направлено дуло винтовки, не до смеха.

Чарли осознавала свое шаткое положение, но виду не показывала, а может просто безумие подошло совсем вплотную? Она казалась заскучавшей гостьей, которую оставили в новом доме в полном одиночестве, и она теперь чувствует себя немного неловко и скованно, боясь что-нибудь разбить или сломать ненароком. Она дотронулась блуждающим взглядом и до Кейси, которая мерила ту слезящимися от напряжения глазами. Рот скривился, словно она откусила лимон. Метаморфоза, произошедшая с ней за какие-то несколько минут, и впрямь была кардинальной. От милостивой женщины совсем ничего не осталось – ее сменила фу-

рия, дикая птица, защищающая гнездо. Чарли поджала недовольно губы и соскользнула взглядом обратно к лестнице.

В голове у Кейси тоже царила полная сумятица. Эта женщина, которую она держала под прицелом, не из полиции и не репортер. Кто же она, черт возьми, такая? Как прошла? Почему Мэри не заметила ее? А ведь не заметила... другого объяснения быть не могло. Если девчонка посмела заснуть, то она отправится на тот свет прямо сейчас!

В комнату вбежали две испуганные девочки: Роуз и Мэри – высокая угловатая шатенка с правильными чертами лица.

– Розы, она спала, когда ты вошла?

– Нет! – завопили они обе в один голос.

– Я не спала, миссис Парсон! – протестующее сказала Мэри.

– Я не с тобой разговариваю. – обрубил ее та. – Розы?

– Нет, миссис Парсон, Мэри не спала. – твердо ответила девочка, не оставляя никаких сомнений в правдивости собственных слов.

– Хорошо... тогда, как ты объяснишь *это*?! – Кейси кивнула в сторону Чарли. Кивнула, как плюнула.

– Богом клянусь! Никто даже на шаг не приблизился к дому! Более того, ее вообще не было в толпе!

– Я думаю, она не человек. – вмешалась Роуз, и Чарли с интересом на нее посмотрела.

– Не пори чушь! – сухо бросила Кейси.

– Говорю вам! Дверь-то была закрыта на щеколду. Как она

открыла ее? Почему Мэри ее не видела? Такое впечатление, что она просто появилась здесь, в этой комнате из ниоткуда... – она замолчала, но Кейси не проронила ни слова.

Они стояли, уставившись вчетвером на Чарли, которая снова не знала, куда деть глаза. Только если на часы – половина. На нервной почве Чарли зевнула, что окончательно выбило Кейси из колеи.

– Что скажешь? – прошипела она в сторону Чарли.

– Есть хочу. – вдруг сказала та, пытаясь поразить всех еще больше. – Я вижу, у вас тут ужин намечается... Может, вы меня накормите?

– Я тебя сейчас прикладом накормлю, шутница... – фыркнула Кейси. – Отвечай, как ты здесь оказалась!

Мысли лихорадочно забегали в голове Чарли. Ее тактика больше не прокатывала. Да и тактика ли это? Надо было действовать, что-то говорить, и чтобы каждое слово попадало прямо в точку, и эта женщина опустила свою винтовку. Надо бы застать ее врасплох. Вдруг в голову пришла очень опасная мысль, и если Чарли озвучит ее, то либо будет выглядеть полной дурой, либо добьется своего.

– Ну?! – нетерпеливо проорала Кейси, и та поняла, что если промолчит еще секунду, то получит пулю.

– Кейси... – сказала, наконец, Чарли. – Я хочу спросить, как ты узнала о смерти Кейт? О том, что эти девочки убили твою дочь и сбросили с крыши?

Та отняла лицо от винтовки – лицо, полное смятения, и

Чарли окончательно убедилась, что говорящая рыба ей не привиделась, и история ее не была вымыслом. Как и всё вокруг. Она поняла, что не сошла с ума, и всё с ней действительно происходит.

– Откуда ты...

– Знаю. – аккуратно перебила Чарли, въедаясь в ее глаза своими. – Я к тому, что, может, тебе сказала об этом любимая кошка или ведущий из телека, или там радио?..

Теперь пришел черед Кейси смотреть куда угодно, только не на Чарли, которая в свою очередь добиралась до самого нутра своими глазами. Винтовка опустилась еще на пару дюймов. Уже хорошо, но все еще опасно.

– Кто ты? – бесцветным голосом спросила Кейси, и Чарли поняла... очень четко поняла, как ей сейчас повезло, потому что она попала в точку.

Ну разве не чудо? О да, чудо, достойное быть в списке самых расписных чудес. И, похоже, без Кая здесь не обошлось.... Получается, он заварил всю эту кашу. Он же и разгребает, но только чужими руками. А может, такова его манера действия? Чарли решила, что при встрече, если она, конечно, состоится, задаст ему кучу вопросов.

– Кто ты, мать твою, ТАКАЯ??? – взбесилась Кейси, загнанная в угол. Похоже, еще совсем недавно в ее жизни всё было яснее ясного, а теперь... теперь что-то идет не так.

– Чарли. – спешно ответила та, видя, как винтовка снова поднялась вверх в напряжении, готовая сделать больно...

очень бо-о-ольно. *Не делайте мне бо-о-ольно!*

– И я оказалась здесь так же, как и ты. – добавила она.

Винтовка снова опустилась.

– Значит, ты знаешь Дейзи?

– Нет... я не знаю никаких Дейзи. – устало протянула та. –

Но я знаю того, кто послал ее, потому что он послал и меня. А перед этим со мной разговаривала отрезанная рыба голова, так что я сыта этим по горло! И, если хочешь, то давай – пристрели меня, но умоляю, сделай это быстро и безболезненно, потому что... я, знаешь ли, как-то сдала за этот дерьмовый день!

Воцарилось молчание. Застывшие персонажи, и занавес вот-вот опуститься. Кейси, которая, как будто, не знала, что делать с винтовкой – поднять или опустить. Чарли, стоящая со скучающим, измученным видом, словно на нее направлен не ствол, а резиновый молоток. Девочки-служанки в фартуках, следят за происходящим одновременно с ужасом и очарованием. Затянувшаяся мизансцена.

– Рози! – наконец, сказала Кейси и опустила винтовку. –

Принеси еще стул и приборы, и поживее.

Обе девочки послушно удалились.

– Ты, вроде, есть хотела? – спросила она у Чарли, приподняв бровь. – Прошу.

Хотя бы не убили... – подумала та, садясь за стол. Кейси опустилась рядом.

– Так ты, выходит, всё знаешь? – спросила она, и Чарли

кивнула. – И то, что я задумала?

Еще кивок.

– Так зачем тебя послали? Разве не этого хотел этот некто, стоящий за всем?

– Остановить... – тихо сказала Чарли. – Меня послали остановить тебя.

– Ух ты. – задумчиво и безэмоционально бросила Кейси. – Так поздно не останавливают.

В этот момент вошли девочки – одна со стулом, другая с тарелкой и приборами.

– Поставь туда. – сказала Кейси, обращаясь к Мэри со стулом в руках. – И это тоже. – она кивнула Роуз. – Здесь сегодня сядет Элизабет, а ты... – Кейси снова обратилась к Мэри. – Возвращайся на чердак. Еду тебе принесут.

– Приятного аппетита, миссис Парсон. – ответила та учтиво и побежала наверх.

– Ужин накрывать? – спросила Роуз.

– Да-да, пора... – она глянула на часы – без четверти. – И даже более чем.

Когда девочка ушла, Кейси вновь обратилась к Чарли, которой почему-то стало грустно.

– Ну что, похожи они на заложниц?

– Нет... совсем не похожи. – покачала головой та и тяжело вздохнула. – Почему ты так решила?

– В смысле? Не держать их в темном чулане на обедках? – уточнила Кейси.

– Угу.

– Так вышло. У меня не было определенного плана, когда я привезла их сюда. Прошел год.... Если всё случилось бы раньше, я бы переубивала их, не вдаваясь в лишние подробности и не заботясь о зрителях, потому что только на это и была бы способна.

– А сейчас?

– Я просто привезла их сюда, и как-то всё пошло... вот так. Своим чередом, что ли.

– Но ты ведь, по сути, их даже не держишь?.. Отсюда, при желании, сбежать – раз плюнуть. – сказала Чарли, а про себя подумала, что сложившаяся ситуация куда изощрённей, чем если бы Кейси исполнила свою месть по горячим следам.

– Да, не держу. – подтвердила та.

– Так почему же они не сбегают?

В этот момент вошли две девочки: Роуз и Элизабет, которую Чарли еще не видела. Только в новостях. Войдя, она улыбнулась, и от этого на ее щеках появились очаровательные ямочки. Они внесли блюдо с запечённой курицей и миску салата.

– Девочки! – позвала их Кейси. – Наша гостья спрашивает, почему вы не сбегаете отсюда?

Севшие уже на свои места Роуз и Лизи пожали в унисон плечами.

– А зачем? – туманно спросила Розы, глядя в пол.

Сколько им? – задумалась Чарли. – *Лет по пятнадцать?*

Не слишком ли рано, чтобы так отвечать на подобные вопросы?

– Лизи? Курица... – напомнила Кейси, и девочка тут же вскочила и подрядилась раскладывать по тарелкам сочные куски уже нарезанной птицы. – И не забудь отнести Мэри ее порцию.

– Конечно, миссис Парсон.

Кейси нагнулась ближе к Чарли, поначалу казалось, что она хочет, чтобы ее слова никто из девочек не услышал, но на самом деле она лишь хотела заглянуть в глаза. Может, думала увидеть там чернеющие радужки. Кто знает?

– Видишь, они не знают *зачем*. Не видят смысла в побеге отсюда.

– Но они понимают, что ты их убьешь? – шепотом спросила Чарли.

– Конечно, понимают. Они понимают, что должны понести наказание за содеянное, и готовы к этому. Это самый лучший выход для всех нас.

Чарли перевела взгляд сначала на Роуз, застывшую над едой, а потом на Элизабет, которая обернулась на лестнице с тарелкой для Мэри. Они обе кивнули, но глаза... Казалось, они лишь час назад поняли, что ждет их на самом деле. Осознали в полной мере, что вот они есть, а вот их уже нет. В глазах читался плохо скрываемый ужас. Слишком малы, чтобы осознать смерть, но вполне созрели, чтобы осознать свое отсутствие. Лизи уронила голову на грудь и стала под-

ниматься наверх. Роуз сползла на стул, опустив чуть покрасневшие глаза.

Хватит, посмотрелась....

– Ты знаешь, – сказала Чарли, отрезая кусок белого мяса, которое по правде не любила, но... что положили, то положили. – Я не вижу здесь девочек, которые безжалостно убили твою дочь. Здесь кто-то другой.

Она посмотрела на Роуз, но та не ответила взглядом, видимо, пытаясь справиться с подступившими слезами. Чарли перевела взгляд на Кейси, ухмылка которой застыла на лице, как и ложка салата над тарелкой.

– Да, теперь они совсем другие. – процедила Кейси, вывалив салат обратно.

Пластинка, полная старых песен как-то внезапно закончилась, и опустилась неуютная тишина. Хозяйка дома поспешила ее заполнить.

– Они знают, что виноваты, и это меняет людей, так ведь?

– Меняет. – Чарли отодвинула тарелку.

В этот момент спустилась Элизабет и села за стол, чуть улыбнувшись остальным.

– Ты же, вроде, есть хотела? – осклабилась Кейси.

– Уже наелась... – сухо ответила Чарли, а потом повернулась к девочкам. – Можно вопрос?

Те посмотрели на Кейси, на лице которой, видимо, не было никаких запрещающих знаков, потом – друг на друга, и в итоге кивнули.

– Вы убили одноклассницу. *Безжалостно* убили одноклассницу. – сделала акцент Чарли. – И что вы делали после этого? Я хочу сказать – у вас же был год. Как вы прожили его?

Глаза у обеих остекленели и они отвернулись.

– Девочки, вам задали вопрос! – вмешалась Кейси.

– Лиз попала в психушку. – сказала Роуз.

– Роза!!! – вспыхнула та.

– А что?! Это же правда!

– Да, правда! – выкрикнула Лизи. – А тебя сбагрили к бабушке в Небраску, чтобы в нашем городе остались хотя бы несколько парней, которым ты еще не дала! Пока меня накачивали нейролептиками, вы тут с Мэри неплохо отжигали! Правда? – разорялась Элизабет, и Чарли показалось, что после произошедшего, они так до сих пор как следует и не поговорили.

– ОТЖИГАЛИ??? – взвыла Роуз. – Так ты это видишь?

– Девочки! – повысила голос Кейси, но тех уже вряд ли кто-то смог бы остановить.

– Да, я понимаю, тебе было плохо, но и нам не лучше! Ты хоть знаешь, сколько она пила? Какие истерики устраивала? Господи, да о Мэри весь город судачил. Ее постоянно забирала родители из полицейского участка. Ты же знаешь, она всегда слушалась их беспрекословно, а потом в раз превратилась в алкоголичку и наркоманку.

Лизи заплакала.

– А дядю моего знаешь? Что он полицейский? Что нашим делом занимался именно он и сразу же понял, что Кейт убили перед тем, как сбросить с крыши? – чуть ли не задыхаясь, выкрикнула Роуз. – И понял, что в этом замешана я? По поведению... И по следам, которые остались на моей обуви. Не ты, не Мэри... я!!! Я ударила Кэти по голове! Знаешь, что он сделал со мной, чтобы закрыть дело по-тихому? ЗНАЕШЬ? Знаешь, почему меня после этого так понесло, а?!

Чарли перевела взгляд на Кейси. Та была бледна и совершенно забыла о еде. Наверное, тоже наелась... Она слепотарасилась на девочек с приоткрытым ртом.

– Знала об этом? – обратилась к ней Чарли, но Кейси не ответила. Было и так ясно, что ответ отрицательный. Ее ведь волновало только то, что они сделали с ее дочерью. Только это... а остальное не интересно. И, вряд ли, ее можно за это винить.

Рози тоже заплакала. Они обе сидели и всхлипывали, словно маленькие девчонки, и в этом бушевало столько отчаяния, что не хватало слов. Они были загнаны в угол, и уже очень давно.

– Мэри знала об этом? – спросила Чарли у Роуз через некоторое время.

– Да-а... – проныла та. – И как-то рассказала своим друзьям – не о том, что сделали мы, а о том, что сделал он. И один раз, когда дядя Ник пьяный вдрызг выходил из бара, завязалась драка, и они прирезали его как свинью. И вот еще

что... я была рада! Просто на седьмом небе, так что знаете, – сказала она тихо. – Когда нам позвонила миссис Парсон, я думаю, все почувствовали себя свободными, потому что... так жить нельзя! Просто невозможно! И пусть она делает со мной всё, что хочет! *Я заслужила.*

Чарли перевела взгляд на часы – пять минут седьмого – а потом обратилась к Кейси:

– Ты до сих пор считаешь, что быть застреленными для них наказание? А по мне, так самое страшное – остаться жить.

Кейси метнула на нее злобный взгляд.

– Элизабет, как ты оказалась в лечебнице? – спросила Чарли, безразлично отвернувшись от Кейси, но девочка молчала, только всхлипывала и утирала слезы, как будто они были чем-то постыдным.

– Роуз?

– Она пыталась покончить с собой. – ответила та, тупо уставившись в тарелку. – Дважды. Покажи ей руки, Лизи, давай.

Та покачала головой, но потом всё же смиренно задрала рукава и выложила на стол обе руки ладонями вверх. На них взбухли два действительно уродливых продольных шрама, каждый из которых вскрывался повторно.

– Видишь, как они стремятся к тому, что ты для них приготовила!?

– Не лезь не в свое дело! – зарычала Кейси.

– Но девочки не понимают одного. Что они могут начать всё сначала. Они только чувствуют это, потому что *ты сама дала им шанс*. Ты подарила им эти три месяца, за которые они действительно расслабились, и перестали видеть кошмары по ночам. И жизнь, которую они вели раньше, теперь отделена жирной полосой с надписью «ДО». – Чарли повернулась к девочкам. Они слушали ее с какой-то несмелой надеждой. – На самом деле, никто не хочет умирать. Просто есть люди, которые *не могут больше жить, как жили*. И тогда они умирают, но не потому, что их жизненный потенциал исчерпан, а потому что они решили ребус неправильно.

– Довольно!!! – взвыла Кейси и схватила винтовку с пола.

– И здесь, в этом доме, благодаря этой женщине, вы поняли, – затараторила Чарли, игнорируя ее. – Что ваш ребус еще можно решить, и у вас вполне хватит сил, чтобы...

Раздался оглушительный выстрел, и девочки взвизгнули, заткнув уши и пригнув головы. Чарли поначалу не поняла, жива она или нет, но потом увидела, что дуло направленно вверх, и успокоилась.

– Я сказала – *довольно!* – прошипела Кейси.

И практически сразу за этим выстрелом, откуда-то сверху раздались взволнованные крики Мэри.

– Сюда-сюда! У нас проблемы!

– Девочки! – скомандовала Кейси, и они повскакивали с мест, как ужаленные, и побежали вверх по лестнице.

– Ты тоже! – дуло винтовки едва не коснулось лба Чарли.

– Ладно-ладно... – отозвалась та и последовала за девочками.

Кейси бежала следом, размахивая винтовкой, как жезлом – того и гляди, выстрелит. Увлекаемая спиной Элизабет, Чарли вскоре оказалась в маленькой темной комнатушке с двумя круглыми окнами по обе стороны, из которых просматривался абсолютно весь периметр, вокруг дома.

– Что стряслось? – нетерпеливо спросила Кейси.

– Полицейские идут к дому. – отозвалась Мэри, первым делом найдя глазами своих подруг, чтобы убедиться в их безопасности. – Они услышали выстрел и переполошились, подумав, что кого-то из нас убили. Похоже, они решили больше не ждать. – она отошла от окна. – Посмотрите сами.

Кейси подбежала и стала выискивать полицейских. За ней устроилась и Чарли. Девочки тоже приблизились к окну, но на самом деле их взгляды блуждали где-то далеко. Мэри что-то зашептала на ухо Роуз – видимо, спрашивала, почему стреляли. Та кивнула на Чарли и что-то шепнула в ответ.

Полицейские, прижавшись спинами к стене дома, крались к двери. Человек восемь не меньше. Последний раз, когда Чарли посмотрела на часы, было 6:10. Через пять минут они как раз доберутся сюда. Всё связано. Интересно, а если бы не Чарли, то как развивались события? Кейси бы просто казнила троих, а потом и себя? Что значило для нее это время? Может, именно в 6:15 ей сообщили о гибели дочери? Скорей всего. Но почему тогда сама Вселенная подыгрывает ей?

Где-то внизу выламывали закрытое ставнями окно и дверь. Аккуратно, но вполне слышимо. Вероятно, они думают, что кого-то уже убили, и что таким появлением они сохранят жизнь *хотя бы одной* девочке.

Кейси рванула к двери, захлопнула ее, задвинула щеколду и подняла винтовку, целясь во всех по очереди. Роуз и Элизабет опять заплакали, последняя сползла по стене на колени, потом села, опираясь на одну руку, а второй то закрывала лицо, то загораживалась, словно от солнца. Мэри выбросила вперед руки, повторяя слово «нет», как заклинание. Роуз знобило так, что она едва стояла на ногах.

– Ты видишь, **что** делаешь?! – спросила Чарли, чуть ли не сойдя на крик.

– НЕ ЛЕЗЬ НЕ В СВОЕ ДЕЛО!!! – взвыла та в ответ.

На лестнице отчетливо слышались шаги. Потом в районе второго этажа кто-то отделился, но одна пара ног точно поднималась на чердак.

– Ты не можешь этого сделать! – закричала Чарли, не способная выносить причитания и этот безнадежный плач... эти трясущиеся руки.

Теперь всё это действительно стало похоже на дом с заложниками. На то, что она изначально ожидала здесь увидеть.

– Ты не имеешь права *превращаться в убийцу!* – выкрикнула она в сердцах.

В это время в дверь ударили, и голос полицейского насто-

ательно потребовал открыть ему, а иначе он выломает её. Кейси встrepенулась, не зная, что делать, но глаза смотрели на девочек... и теперь как-то иначе.

– Ты не думала, зачем тебя сначала втянули во всё это, а потом послали меня, чтобы остановить? Всё было направлено на то, чтобы ты не превратилась в монстра! Узнала правду, но не стала убийцей!

В дверь ударили снова, и тут же голос повторил уже сказанное.

– Да пошел ты! – яростно крикнула ему Чарли, а потом снова обратилась к Кейси. – Отпусти их и помни, что я сказала – они уже наказаны, и будут дальше нести это наказание до тех пор, пока их память не отберет маразм... до самой старости. Ты понимаешь это? А ты должна жить дальше и начать сначала, потому что всегда можно начать сначала, даже если ты стар или устал от всего этого. А это... это действительно совсем другие девочки. *Тех ты уже убила!* Их больше нет.

– Сюда-сюда! Они здесь! – подал голос полицейский за дверью.

– Сейчас они выломают дверь. – покачала головой Чарли. – Больше нет времени. Я не знаю, что еще добавить. Ну, пожалуй, только то, что тебе не дадут срок, потому что девочки скажут, что находились здесь по собственной воле. Ты мне только винтовку отдашь, вот и всё.

За дверью слышались другие голоса, и последовал силь-

нейший удар. Чарли на секунду задумалась, а откуда она, собственно, взяла, что Кай позаботится о ней в дальнейшем? О том, чтобы она вышла отсюда целой и невредимой?

– И надо будет придумать, что сделать с твоим звонком и заявлением. Там прозвучали недвусмысленные угрозы, и от этого уже не отвертеться.

В дверь снова ударили, и стало ясно, что третьего удара, замок не выдержит, впрочем, как и петли.

– Но ты можешь сказать, что вы с девочками задумали это совместно, потому что уже давно поддерживали отношения, и ты знала об их проблемах, да и у тебя из-за дочери поехала крыша. И короче, вы решили ото всех сбежать и сидеть здесь. А потом вам пришла в голову идея еще и прославиться. – тараторила Чарли. – Но так как ты не особо шарить в таких делах – всё получилось вот так нелепо. И вы понятия не имели, как выбраться из сложившейся ситуации, потому что все круглые идиотки. А выстрел был не выстрел, а... – Чарли бешено рылась в мозгу, но ее фантазия явно иссякла.

– Давайте скажем, что я свалилась с чердака! – предложила Мэри. – Здесь очень крутая лестница и ступени короткие. Немудрено!

– О чем ты говоришь? – вмешалась Лизи. – Выстрел ни с чем не спутать.

– Да, но если мы будем талдычить одно и то же...

В дверь долбанули еще раз. Нижняя петля с корнем оторвалась, но верхняя всё еще держалась. Похоже, Чарли слег-

ка недооценила эту дверь. Сейчас, вероятно 6:14. А Кейси всё это время держала их под прицелом, как будто, живя в своем собственном мире, никого и ничего не слыша.

– Именно. – согласилась Чарли. Она еще никогда не говорила так быстро. – Если вы все будете утверждать одно и то же, у них ничего против вас не будет. Если всё случилось по взаимному согласию – какая разница? И да, они найдут след от пули, но винтовки-то у вас не будет. Могут хоть весь дом перебрать! Слово за тобой, Кейси, отдай мне винтовку. – Чарли шагнула вперед с протянутой рукой.

Та отступила, направив дуло ей в лицо. Только сейчас Чарли заметила, что слезы текут по щекам Кейси.

– Я прошу... *не надо*. Счет на секунды. Они сейчас выломают дверь, и тогда будет поздно. Они не должны видеть тебя с оружием. *Пожалуйста...* – проникновенно сказала Чарли, но Кейси... она, словно, боялась расстаться с этой винтовкой, как будто та была последним, что связывало ее с Кейт... самой последней надеждой.

– Нет. – выдавила она сквозь слезы таким отекившим глухим голосом, почти обиженным.

А следующее произошло очень быстро. Четвертый удар в дверь вырвал замок и последнюю петлю. Полицейские наводнили проем, тыча стволами во всех направлениях. В тот же самый миг Чарли бросилась на Кейси и вырвала винтовку – вытащила, словно нож из масла, а Кейси вцепилась ей в волосы. Они обе упали и откатились в угол, расчистив про-

ход для полицейских, которые в свою очередь уже подошли к девочкам. После короткой потасовки Чарли, наконец, отбилась от Кейси, и винтовка осталась при ней. Волосы ее были изрядно всклоочены, и оторванная лямка майки сиротливо повисла, обнажив верхний участок черного лифчика, но Парсон выглядела намного хуже, отхватив финальный удар прикладом, и теперь на левой скуле растеклось и припухло красное пятно, которое неминуемо должно посинеть. Теперь они обе поднялись с пола и замерли. Кейси, вроде бы, сделала поползновение шагнуть вперед, но Чарли удержала ее, мягко положив на плечо руку.

Девочки выглядели растерянными. Только что им был задан вопрос, где та женщина, которая их держала в заложницах. Они переглядывались, шарили глазами по углам некоторое время, и, наконец, догадавшись, что кроме них троих, полицейские больше никого не видят, Роуз сказала:

– Она уехала сразу после того, как позвонила вчера. Мы хотели выбраться, но не смогли.

– Это так? – сурово спросил один из полицейских, пронырливо глядя на других девочек.

– Да. – четко ответили те, не задумавшись ни на секунду.

– А почему вы не разбили окно на чердаке, что бы подать нам знак?

– Мы были сильно напуганы. – без запинки ответила Элизабет.

– Она сказала нам сидеть здесь, и мы сидели. – добавила

Мэри.

– Я вообще до конца не была уверена, что она не в доме! – сказала Роуз с энтузиазмом.

– Был выстрел. – возразил полицейский, неприятно и холодно оглядывая девочек.

– *Выстрел?* – удивилась Лизи и перевела взгляд на подруг.

– Я вообще-то упала с лестницы... – замялась Мэри.

– *С лестницы?* – с издевкой переспросил другой полицейский. Тот, что стоял совсем близко от Чарли. – Так вы же, вроде, тут сидели?

– Ну да. – согласилась Мэри. – Я просто хотела посмотреть, в доме ли та женщина, и упала.

– Неужели?! А чего дверь-то не открывали? – спросил первый коп.

– Испугались... – в один голос ответили девочки.

– Да ну! А чего-то не выглядите напуганными.

– Да ладно, оставь их. – остановил его снова тот, что стоял с Чарли. – Они же все зареванные – посмотри. В участке разберутся.

Потом он, шагнул вплотную к двум исключенным женщинам, на которых почему-то никто не обращал внимания, и повернул лицо... мертвое рыбье лицо. Его губы дернулись, и очень тихо произнесли. Одни губы. Всё.

– Вам пора.

Чарли посмотрела на Кейси и кивнула. Та пребывала в

полной растерянности, поэтому действовала скорее на автомате. Прежде чем подойти на цыпочках к проему и начать спускаться по лестнице вниз, Кейси бросила последний взгляд на своих заложниц. *Так ли они изменились на самом деле?* – думала она. – *Чтобы заслужить жизнь?* Кем они стали для нее самой за эти три месяца? Чарли сказала о важности пребывания здесь для девочек, но ничего не сказала о самой Кейси. А ведь и для нее время, проведенное в этом доме, стало чуть ли не панацеей. Настоящая иллюзия семьи.

Ступени поскрипывали, но никто не обращал совершенно никакого внимания, как будто это происходило в параллельном измерении. А, может, так и было. Оказавшись на первом этаже, обе женщины заметили, что на столе нет и намёка на недавний недоеденный ужин. Он сиял чистотой, как новенький, и стулья, задвинутые вплотную, казались не более чем бутафорией – спасибо Каю, который, наверняка, позаботился и о пуле. Кейси покосилась на Чарли, но та лишь улыбнулась и пожала плечами – мол, всё правильно, всё хорошо. Потом они вышли из дома и двинулись к заградительной ленте, словно призраки. Кейси постоянно прижимала голову к груди и сильно нервничала, а Чарли, уже побывавшая в подобной ситуации, чувствовала себя вполне естественно. Она знала, что на них никто не смотрит. Знала, что таков вклад Кая в общее дело, и принимала это сейчас с распростертыми объятиями и превеликим счастьем.

Они проскользнули под желтой лентой и направились в

сторону шоссе. Народу было по-прежнему немного, что не составляло никакого труда огибать людей, не касаясь. Только теперь все как-то засуетились, задвигались, подались в первые ряды, а сидящие на одеялах повскакивали, утирая подбородки от крошек и соусов. Кейси с неприязнью смотрела на это, но мир учит, что у каждого шоу должны быть свои зрители. Чему тут удивляться? Только родители девочек, которые тоже слышали выстрел, и теперь – *о боже* – гадали, чьей дочери больше нет на белом свете, метались среди полицейских и выглядели полноценными героями этого шоу – такими же зверьками в клетках, как и их дочери, запертые в доме. Им еще столько всего предстоит, но они справятся. Чарли это точно знала. Единственное, что беспокоило сейчас, так это всякие там перекрёстные допросы, потому что обговоренный заранее сценарий не сработал, и теперь оставалось лишь надеяться на смекалку девочек. Вряд ли они захотят подставлять Кейси, поэтому, когда встанет вопрос о внешности похитительницы, скорей всего дадут чье-нибудь другое описание. Чарли чуть улыбнулась, подумав, что выбор девочек скорей всего падет на нее. Хотя эта улыбка казалась безумной и обреченной сейчас. Все её опасения по поводу нелепого заезда в Скотиш Инн теперь скорей всего подтвердятся, когда придет время, и имя её быстро вспомнится. Кай же подставил её, разве нет? осталось выяснить, зачем.

– Кейси? – позвала Чарли и чуть притормозила. Теперь они шли вровень.

– Что? – задумчиво отозвалась та.

– А где машина? Они не найдут тебя по номерам?

– На дне озера. – покачала головой Кейси. – Так что здесь всё схвачено. Съездила за продуктами последний раз, а потом поехала к озеру и утопила машину.

– За продуктами? – переспросила Чарли, а про себя подумала – *кто же тебе подкинул такую дельную мысль?*

– Каждый раз в разные магазины. – отмахнулась Кейси. – За эти месяцы, я ни разу не ездила в один и тот же.

– Хорошо... – вздохнула Чарли, понимая, что теперь её жизнь и вправду может резко измениться. – А вернулась как?

– На попутках. Три машины сменила, так что меня сложно будет проследить. Плюс ко всему, последний высадил меня так, что мне пришлось еще пару миль протопать.

– Алиби всегда должно быть безупречно. – скептически повторила она чужие слова. *Твоё алиби и впрямь такое, а моё что-то хромает.*

Они вышли на дорогу, и Чарли почти сразу увидела мышиный форд и водителя, чье лицо она уже совершенно забыла. Он привычным жестом опустил ветровое стекло и махнул. Чарли махнула в ответ.

– Может, отдашь мне винтовку? – спросила Кейси.

– Нет. – ответила та, размахивая ей словно зонтом-тростью. – Теперь тебя все видят, а изрядно потрепанная женщина с оружием привлекает много внимания. Хватит с тебя неприятностей.

Тем более что мне она может пригодиться больше.

– Может, ты и права. – усмехнулась Кейси и сплюнула на землю чем-то подозрительно похожим на кровь. – Черт, ты мне десну разбила.

– Прости. – отозвалась Чарли. – Но и ты меня изрядно потрепала.

– Неужели, квиты?.. – сухо улыбнулась Кейси.

– Думаю, не совсем. – покачала головой та, останавливаясь у Шелби. – Думаю, я тебе еще должна поездку на машине. Нет, правда, с таким лицом – зачем тебе светиться? Давай мы тебя подвезем куда-нибудь?

Кейси нагнулась и безрадостно посмотрела на водителя, который даже не повернул головы.

– Это ведь не он?

– Нет. Во всяком случае, снаружи.

– Тогда я лучше прогуляюсь. – буркнула та себе под нос. – Мне надо привести мысли в порядок. Да и потом, не так уж плохо я выгляжу.

– Как знаешь, Кейси. – Чарли открыла заднюю дверь и кинула винтовку.

– Так значит, Чарли?

– Чарли.

– Мило. – брови Кейси скептически взлетели вверх, и она усмехнулась. – Ну что ж, Чарли, может, еще увидимся. Спасибо, наверное... и удачи.

Она взмахнула рукой и пошла вниз по дороге довольно

быстрым шагом. Вряд ли она осознавала до конца, что произошло.

– Может, и увидимся. – кивнула Чарли и села вперед на пассажирское сиденье. *А, может, и нет....*

– Куда едем, мисс? – спросил низкий вельветовый голос.

– А то ты не знаешь? – осклабилась та и захлопнула дверь.

Форд мягко тронулся и покатил по дороге в противоположенную сторону от удаляющейся Кейси. Чарли откинулась на спинку и закрыла глаза. *Это всё не со мной* – думала она упрямо. – *Это всё не я.* А иначе, как бы Чарли осмелилась выйти за порог и отправиться в это сомнительное путешествие? Но она выжила, отхватив настоящее чудо, которому самое место в блокноте. Чарли неуклюже развернулась, чтобы добраться до чемоданчика на заднем сидении, и через пару минут выудила свой маленький черный блокнот с голубой плетистой розой в блестках. Она сделала короткую запись, как и обещала себе раньше.

6.07.1978. Вошла в дом, где Кейси Парсон удерживала в заложниках трех девочек. Спасла девочек и Кейси, выбралась живой.

В жизнь Чарли влезло что-то заброшенное когда-то и дикое, распихивая всё остальное в разные стороны, чтобы расчистить себе путь, сдвигая всё с привычных мест, беспардонно устанавливая свои собственные правила. Но Чарли выбралась из того дома, так и не поняв до конца, что собственно делает. Просто выплыла, и выплыла без единой царапины.

ны. *Ну почти...* – подумала она, приглаживая всклоченные волосы. Было даже и не страшно, как будто просто отыграла спектакль на сцене. Не взаправду. Зато последствия ей грозили нешуточные.

Она уставилась на дорогу с легкой блуждающей улыбкой. Могучие деревья стояли вдоль нее, и как казалось, где-то впереди на горизонте прерывали дорогу сплошной стеной. Красное солнце едва прорывалось сквозь кроны, а у оснований столетних исполинов уже легла вечерняя дымка, изредка выползающая на дорогу мягкими эфемерными лапами. Справа среди деревьев почти вровень с Шелби бежал олень своими изящными перескоками. Всё это было очень красиво. Чарли, не отрываясь, следила за ним, и когда олень углубился в лес, она себе чуть шею не свернула. Он показался ей призраком, затерявшимся среди деревьев, мелькающим узором калейдоскопа.

Дорога то поднималась, то опускалась, потом уходила за очередной поворот и снова вверх, и снова вниз. Глаза Чарли помутнели, и она опустилась в собственные бессвязные мысли, пролетавшие, как и деревья за окном. И вот уже она – словно кофейная гранула, посреди мыслеформ и образов потерялась, и концов не сыскать. Как и мышинового цвета Шелби – в этом дремучем прекрасном лесу.

Форд затормозил, и Чарли очнулась. Она была крайне удивлена тем, что отключилась. За окном стемнело, а часы показывали половину девятого.

Чарли всё никак не могла успокоиться, что умудрилась заснуть. Она и в собственной постели-то засыпала только со снотворным, а вот так в машине – невозможно. Она, видимо, действительно вымоталась. Слишком много событий.

– Ну так чего? – она растерла веки и повернулась к водителю. – Мы приехали?

Чарли вскользь огляделась. Было, конечно, темно, но пейзаж не изменился ни на йоту. Всё та же дорога, всё тот же лес....

– Да. – коротко ответил безликий водитель.

– Ну, тогда выходим. – подвела она итог, открывая дверь.

Оказавшись на улице, Чарли поежилась. Холодно. По телу пробежали мурашки. Она залезла на заднее сиденье и вытащила из своего полукруглого чемоданчика черную стеганую безрукавку, которую взяла на всякий случай, и теперь благодарила себя вчерашнюю за этот широкий жест. Чарли тут же нацепила ее, испытав огромное облегчение, несмотря на то, что руки так и остались на холодном воздухе. Общее разливающееся тепло перебивало этот недостаток. Потом она достала тканый ремень, который прилагался к чемодану и хра-

нился в боковом кармане, прикрепил его и повесила свой багаж через плечо. Следом она взвалила на плечо винтовку, решив выбросить ее где-нибудь в лесу, и подошла к водителю, который всё еще сидел в Шелби, опустив ветровое стекло до самого основания.

– Очень предусмотрительно. – он кивнул своим мертвым лицом на безрукавку.

– Чувствовала, что пригодится. – ответила Чарли беспечно. – А ты чего сидишь? Пошли.

– Я никуда не иду. – ответил Кай где-то там в глубине. – Тебе надо – ты идешь.

– Ты совсем, что ли?! – испугалась Чарли, кинув взгляд в дремучую чащу.

– Просто иди прямо. – водитель прорезал рукой воздух, прокладывая воображаемую дорогу.

– Прямо?! Это же лес! Здесь нет такого понятия! В лесу заплутать, как нечего делать! А уж ночью – так вообще самоубийство!!!

– Да брось... – отмахнулся тот. – Войти к вооруженной психопатке тоже было самоубийством. Но ты же сделала это?

– Это не одно и то же! – взвилась Чарли. – Я психоаналитик, а не егеря! Там я была на работе. Здесь же я в слепой зоне! А, может, ты хочешь от меня просто избавиться?!

– А, может, ты сядешь в машину и поедешь в аэропорт? Чарли замолчала. Да, она и впрямь могла так сделать.... Или нет? Что ждало её дома? Как скоро её опознают по опи-

санию, которое дадут девочки, добавив к нему показания регистратора отеля? А там впереди её могла ждать какая-то альтернатива... и не обязательно в черном капюшоне с остро заточенной косой. Ведь её неспроста выбрали и втянули во всё это, так ведь? И кто же стоит в тени? Любопытство Чарли было безграничным. Она чувствовала себя частью игры, в которую ввязалась и, может быть, даже, вошла во вкус. Ей было очень интересно, что будет дальше, так что повернуть она не могла. Определенно, такие люди есть – те, которые знают, где остановиться, чтобы пойти обратно. Они многое пропускают, но зато возвращаются без единой царапинки. Они четко знают, что и на что меняют. Что отдают и что получают взамен... с чем потом остаются. Что это? Рационализм? Дальновидность? Ум? Или всего лишь отговорки? Может, это просто трусость перед жизнью? Или ясность ума? В любом случае остановиться сейчас на полпути и повернуть назад – это, по меньшей мере, не рационально, не дальновидно и не умно, если конечно, на сто процентов не уверен, что в глуши тебя не ждет Ганнибал Лектор с портативной перевозной кухней. И Чарли, застывшая на обочине пустынной дороги, всё это прекрасно понимала... что другого выбора у нее на данный момент просто нет.

– А сколько идти? – как то слишком тихо спросила она.

– Медленным шагом минут десять. Недалеко.

– Ну что ж... – наконец, сказала Чарли. – Тогда я засеку время и буду идти вперед ровно десять минут, а потом, если

ничего не увижу, вернусь обратно и сяду *в эту* машину. – она повысила голос. – Ты будешь ждать меня *здесь* всё это время, понял?

– Понял. – кивнул водитель.

Чарли отвернулась, злобно сверкнув глазами, и подошла к самой кромке леса. Она стояла словно одинокий воин, словно последний уцелевший охотник из старых легенд. А напротив они – нерушимые вечные противники. Их столько, что не сосчитать. Непросто много, а больше, гораздо больше, чем клеток в организме. И они стоят, готовые обрушиться всей своей массой, всей своей мощью. Готовые поглотить и переварить. Что ты для них? Ничто. Так... дурачок, бросивший вызов вечности. Но это храбрый поступок, и они уважают это. Такое нельзя не уважать.

Чарли вошла в лес, держа винтовку. Она не топала, но шла довольно тяжелым шагом, максимально продавливая влажную почву, чтобы оставить следы, и иногда прочерчивала краем подошвы полосы. Маленький встроенный компас в ее кукольном чемоданчике тоже сослужил ей добрую службу, как она не смеялась над ним раньше. Да и кто бы мог подумать? Сейчас стрелка указывала четко на восток, значит, обратно она будет идти на запад.

– Выберусь. – успокоила себя Чарли.

Где-то за спиной послышался рев двигателя отъезжающей машины.

– Ах ты сволочь! – крикнула она, обернувшись. Ее трясло

от злости, а лицо покраснело и застыло в напряжении. – Дай мне добраться до тебя, недоумок... – проскрежетала Чарли, а потом отвернулась и пошла дальше.

Было страшно, потому что лес казался живым. Над головой кто-то взмахнул крыльями. Ухнула сова. Что-то зашуршало, закричало, зашевелилось, издало булькающий звук, загоготало. И это везде... и здесь, и там, и повсеместно. Чарли же не издавала никаких звуков: не вскрикивала, не охала, но она вздрагивала, и каждый раз кровь прилиwała к голове, наводняя виски оглушительным стуком. Она всё шла и шла, сверяясь с компасом, и чиркая краем подошвы по мягкой влажной земле, а ещё вздрагивая... вздрагивая и вздрагивая. время тянулось. Чарли ненавидела часов и никогда не носила их, поэтому сейчас ей пришлось отсчитывать секунды про себя. Наконец, десять минут истекло, но она продолжала идти вперед, уговаривая себя – еще шаг, еще только один шаг, и я поверну.

Впереди, вроде, что-то мигнуло. Или только показалось? Нет... Вроде, мигнуло снова, хотя это запросто могло быть обманом зрения. Или все-таки какое-то маленькое пятнышко маячило за деревьями, и Чарли упрямо приближалась к нему, чиркая балетками. А пятнышко всё росло, упрочняло свои позиции в этом дремучем ночном лесу. Теперь она была абсолютно уверена в его реальности. Малюсенький островок света. Кай не обманул, он где-то там ждал её. Ну что ж, наконец, они поговорят без посредников. Это точно он. Ну и

веселенькая же ночка намечается! Чарли перешла на бег, и очень скоро пейзаж стал оформляться во что-то конкретное.

Костер мягко полыхал, отбрасывая тени на небольшой пяточок земли, словно брошенный какими-нибудь заблудшими кэмперами. Вокруг костра были уложены квадратом бревна, заготовленные для задушевных посиделок, когда у всех собравшихся поджариваются на прутиках зефир или сосиски. И ходят по кругу страшилки, которые могут напугать только ночью в дремучем лесу, распалые коллективным страхом и готовностью выбросить лишний адреналин.

Там кто-то сидел. Неподвижный, словно статуя, древний забытый тотем на одном из бревен спиной к Чарли, и казался одним сплошным черным силуэтом. Она неспешно подошла к нему сзади, и хоть человеку по имени Кай это было отлично известно, он не проронил ни слова. Казалось, он даже не дышал. Приблизившись на достаточное расстояние, Чарли поняла, что у нее прошла вся спесь, и более того теперь она жалела, действительно жалела, что не села в машину и не уехала домой, чтобы жить свои дни в привычном спокойствии хотя бы отпущенное время. Кто знает, может, девочки и не дадут полиции её описание?

Он, его фантомный черный силуэт, не подающий признаков жизни, непросто настораживал, вызывая какой-то странный трепет... Он пугал, и пугал до тряски в коленях, до холодного пота и мурашек. Он отталкивал – таково было первое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.